

ДИСКУССИЯ • DISCUSSION

Научная статья • Article

Т. А. Газизуллин

В. В. Розанов как автор и читатель: герменевтическое истолкование творчества 1914–1919 гг.

Аннотация. В статье рассматривается читательский опыт В. В. Розанова в контексте обострения общественной дискуссии 1914–1919 гг. Цель исследования – анализ взаимовлияния практик чтения и письма в творческом мире Василия Розанова. На фоне антропологического поворота в отечественной историографии обращение к человеческому опыту позволяет глубже понять ценностно-смысловое измерение повседневности интеллектуалов, которых прежде мы знали исключительно как авторов текстов. За пределами философского осмысления розановского наследия историческая интерпретация поднимает вопрос о контексте творчества публициста. В работе подчеркивается неразрывная связь между читательским и авторским опытом мыслителя. С помощью бинарных оппозиций и герменевтического метода выявляются символические структуры, определявшие восприятие В. В. Розановым русской литературы, ее субъективную классификацию и выявление собственного положения в череде писателей, публицистов и философов XIX – начала XX в. В творческом мире В. В. Розанова произведения Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова и М. Е. Салтыкова-Щедрина были превращены в особую форму насмехательства над российской государственностью, что можно понять только при дискурсивной и смысловой контекстуализации текстуального наследия публициста и мыслителя. В позднем творчестве В. В. Розанова рождается телеологическое представление о последовательном угасании жизнеспособности России под влиянием литературы. Вместе с тем альтернативное направление прозаиков и философов, представленное Ф. М. Достоевским, К. К. Струве, К. Н. Леонтьевым и самим В. В. Розановым, создает для мыслителя иллюзию надежды на выход из апокалиптической атмосферы Первой мировой войны и Революции. Розанов оказывается посредником между утраченной эпохой пореформенной России и новым непонятным миром. В результате ценности, сформированные в стабильное «вечное» время самодержавия и привычных идейных разногласий при опоре на литературу, помогают объяснить странную современность. Литература становится и центром формирования идентичности, и альтернативой реальной истории, и способом рационализации происходящего.

Ключевые слова: В. В. Розанов, русская литература, герменевтика, интеллектуальная история, практики чтения

Для цитирования: Газизуллин Т. А. В. В. Розанов как автор и читатель: герменевтическое истолкование творчества 1914–1919 гг. // Книга. Чтение. Медиасреда. 2026. Т. 4, № 1. С. 48–57. <https://doi.org/10.20913/BRM-4-1-5>

Статья поступила в редакцию 27.01.2025

Получена после доработки 08.12.2025

Принята для публикации 14.03.2026

Газизуллин Тимур Алмазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
историко-политологический факультет, кафедра междисциплинарных исторических исследований,

ул. Букирева, 15, Пермь, 614990, Россия,

аспирант, ассистент кафедры междисциплинарных исторических исследований

ORCID: 0009-0006-8615-8926

e-mail: timuralgaz25@gmail.com

© Т. А. Газизуллин, 2026

T. A. Gazizullin

V. V. Rozanov as Author and Reader: A Hermeneutical Interpretation of the Works of 1914–1919

Gazizullin Timur A.

Perm State National Research University,
Department of Interdisciplinary Historical Research, Faculty of History and Politics,
Bukireva st., 15, Perm, 614990, Russia,
Postgraduate student, Assistant of the Department of Interdisciplinary Historical Research
ORCID: 0009-0006-8615-8926
e-mail: timuralgaz25@gmail.com

Abstract. The article examines the literary works that attracted the attention of Vasily Rozanov. The central thesis is that literature became a key element in the formation of Rozanov's intellectual identity. Rozanov read novels and critical essays and incorporated images from these works into his own worldview. The aim of the study is to explain the mutual influence of reading and writing practices in Rozanov's works. The study employs the hermeneutic method and the analysis of binary oppositions to reveal the symbolic structures of Rozanov's perception. Rozanov interpreted the texts of N. V. Gogol, A. S. Griboyedov, and M. E. Saltykov-Shchedrin as forms of harsh satire. Historical interpretation helps to contextualize these readings within the changing literary and cultural environment of the early twentieth century. Rozanov argued that Russian writers had a negative influence on public opinion. At the same time, the article highlights the specificity of Rozanov's intellectual experience. He found himself between the lost era of post-reform Russia and the emerging realities of the twentieth century. Apocalyptic teleology became especially relevant in the context of the First World War. The values of autocracy and traditional life served as interpretative frameworks through which Rozanov attempted to explain the contradictions of modernity. Thus, literature functioned both as a source of identity formation and as a means of rationalizing contemporary events.

Keywords: V. V. Rozanov, Russian literature, hermeneutics, intellectual history, reading practices

Citation: Gazizullin T. A. V. V. Rozanov as Author and Reader: A Hermeneutical Interpretation of the Works of 1914–1919 // Book. Reading. Media. 2026. Vol. 4, No. 1. P. 48–57. <https://doi.org/10.20913/BRM-4-1-5>

Received 27.01.2025

Revised 08.12.2025

Accepted 14.03.2026

Между историографией и литературоведением

Оценка личности Василия Васильевича Розанова (1856–1919) не представляет собой новую исследовательскую проблему. На протяжении последних тридцати лет появились исследования, посвященные жизненному пути и творчеству публициста [Грякалов, 2017; Казакова, 2021; Куксанова, 2013; Ломоносов, 2019; Носов, 1993; Фатеев, 1991]. В настоящем исследовании мы рассмотрим оба аспекта, но в специфическом ракурсе. Мы намерены предложить интерпретацию нахождения В. В. Розанова в пространстве интеллектуального творчества, сопряженного с жизненным миром В. В. Розанова.

Розановедение преимущественно распространено среди современных российских литературоведов и философов. В отечественной русистике долгое время преобладала история общественных движений, выводившая на первый план структурные факторы развития дискуссий, отчего

индивидуальные особенности утрачивали значение при оценке настроений эпохи.

Повседневность и жизненный мир следует рассматривать как два измерения. Для первого характерны объективированное пространство и социальное взаимодействие, в то время как второе гораздо теснее сопряжено с индивидуальным опытом, именно в нем сосредотачивается смысловое ядро розановского самовыражения через текст. Повседневность является социальным взаимодействием на локальном уровне, тогда как жизненный мир – это опыт отдельного индивида, своего рода система координат, в которой преломляется нейтральное поведение остальных и даже материальная культура обретает субъективные характеристики. Тем самым В. В. Розанов – это не абстрактный автор, не просто петербургский интеллигент или правый публицист, а посредник между текстом Другого и текстом своего жизненного мира. Предлагаемая для анализа бинарная оппозиция позволяет выявить особенную страсть

В. В. Розанова к письменному выражению собственных мыслей.

Цель настоящего исследования – анализ взаимодействия практик чтения и письма в творческом мире Василия Розанова. Для достижения поставленной цели мы намерены охарактеризовать читательский опыт Розанова, выделить особенности его авторства и включить творчество публициста в контекст 1914–1919 гг.

При постановке перед исследователем задачи рассмотрения сюжета на пересечении истории, литературоведения и социальной теории неизбежно возникает необходимость определения стиля повествования. Увлечение структурными факторами и противоположным им событийным описанием в сочетании с поверхностным следованием за текстом источника превращает перспективный сюжет в тривиальный рассказ с абстрактным объяснением.

Множество методологических поворотов в истории позволяют сегодня взглянуть на интересующий нас аспект «с тысячи сторон», как писал сам В. В. Розанов. Стоит отметить также принципы лирической историографии, сформулированные И. В. Нарским: горизонтальный (неиерархический) диалог историка с человеком прошлого и адаптация истории к литературному повествованию. Последнее преимущественно уместно в монографиях, поэтому здесь мы намерены ограничиться лишь преодолением особого снобизма историка по отношению к объектам его изучения [Нарский, 2012].

В интеллектуальной истории текст становится не просто свидетельством эпохи, отражающим индивидуальный опыт человека прошлого, но самодостаточным посредником между автором и читателем, то есть представителями разных эпох, чей диалог возобновляется с каждым прочтением.

Герменевтический подход к интерпретации не претендует на универсальный статус, но адаптирован для изучения текстов, идей и мышления. Важно, что герменевтика актуализирует вопрос авторской вовлеченности в контекст создания произведения [Гадамер, 1988, с. 349, 352]. Вместе с тем общее наблюдение за развитием интеллектуальной и политической истории в России побуждает идти дальше «хранителей старины» и обратиться к анализу идей, интеграции полученных результатов в широкий пласт социально-политических нарративов русской истории первой четверти XX в. [Атнашев, Велижев, 2021, с. 13].

Теперь уникальность публициста нам представляется менее очевидной. Благодаря контекстуализму К. Скиннера и исторической антропологии, которая активно развивается в российской историографии 2010–2020-х гг., мы можем иначе взглянуть на структурные факторы и показать вовлеченность

В. В. Розанова в дискурсивное измерение эпохи, при этом указав особенности текстуального влияния XIX в. К. Скиннер призывает нас не искать связь там, где ее не видел сам автор. В противном случае произойдет невольное отстранение публициста от его текста ради читательской систематизации ситуативных размышлений и полемических реплик [Скиннер, 2018, с. 60, 80; Скиннер, 2006, с. 145, 151].

Уникальность фигуры В. В. Розанова заключается в его способности сочетать роли публициста, интеллектуала и обывателя в переломный период, когда культурный контекст эпохи радикально менялся дважды. Речь идет, во-первых, о возникновении целой эпохи Серебряного века; во-вторых, о формировании нового агрессивного дискурса в период войн и революций 1914–1922 гг. Избранная нами теоретическая рамка направлена на выявление символических структур мирозерцания В. В. Розанова, что позволяет понять реакции публициста на классические произведения русской литературы, критику, публичные тексты современности 1910-х гг.

«Листва» как ключ к пониманию жизненного мира В. В. Розанова

В. В. Розанов был неповторимым стилистом Серебряного века. Это касается прежде всего его «листвы», то есть заметок дневникового типа, собранных в нескольких сборниках: «Уединенное», «Опавшие листья», «Мимолетное» и «Последние листья». Развитие его мысли позволительно охарактеризовать как зигзагообразное, лишенное предсказуемой траектории. Его духовные поиски 1890–1910 гг. завершились выходом из либерального лагеря после скандала с делом Бейлиса¹ и исключением из Религиозно-философского общества². Статьи печатались в правых и проправительственных изданиях.

Татьяна Васильевна Розанова, дочь публициста, отмечала в мемуарах, что на взгляды отца повлияла поездка в Бессарабию и знакомство с обитателем одного из имений: *«Он очень настроил отца против евреев <...> Во всех несчастьях русских он стал всецело винить евреев»; «В этот же злополучный 1914 год в нашей семье разразились события, имевшие громадное влияние на всю последующую нашу семейную жизнь. По настоянию Мережковского, Зинаиды Гиппиус и ее двоюродного брата, Владимира Васильевича Гиппиус, моего отца*

¹ Дело Бейлиса – скандальный судебный процесс в Киевской губернии, спровоцировавший в русском обществе бурное обсуждение возможности ритуального убийства иудеями православного мальчика Андрея Ющинского.

² Религиозно-философское общество – объединение русской интеллигенции и православного духовенства. Возникло в контексте пробуждения интереса к ценностям и религиозной философии христианства на рубеже XIX–XX вв. Просуществовало с 1907 по 1917 г.

Василия Васильевича исключили из Религиозно-философского общества за его правые статьи в "Новом времени" <...> Отец же утверждал свою точку зрения и указывал на Каббалу и Талмуд, где видел намеки на возможность такого ритуального убийства» [Розанова, 1999, с. 65, 69]. Таким образом, восприятие художественной литературы и публичных текстов (статей, брошюр, стенограмм речей думских депутатов) определялось у Розанова двумя аспектами: во-первых, вовлеченностью в сам процесс общественной дискуссии и, во-вторых, аксиологией мыслителя.

По мере нашего анализа читательских практик В. В. Розанова мы будем обращаться к структуре общественно-политического дискурса 1910-х гг. Не следует рассматривать наш подход в качестве попытки упростить изучаемый феномен. Для В. В. Розанова вопросы политики – лишь следствие культурного (даже цивилизационного) противостояния православных русских и всего остального населения Европы. В атмосфере возмущения нетерпимости накануне и в период Первой мировой войны «политическое» вторгалось в привычный приватный мир творчества. Это придавало розановской «листве» военного времени агрессивный характер, когда оценка художественного потенциала уступала место поиску и разоблачению воображаемого врага.

В этом смысле мы используем бинарную оппозицию «жизнь – смерть», которая для мыслителя определяла классификацию литературных произведений, современников и текстов, созданных в условиях милитаризации общественной жизни. Благодаря такой исследовательской стратегии нам удастся сохранить баланс между структурными факторами и индивидуальными особенностями, а также максимально приблизиться к пониманию ценностных оснований Розанова. Мы не считаем, что историк вправе ставить собственную теоретическую рамку выше изначальных мотивов изучаемого героя или социальной общности.

Творчество В. В. Розанова в культурном климате пореформенной России

В монографии В. Р. Лейкиной-Свирской представлена подробная характеристика коллективного портрета интеллигенции поздней империи. При этом прослеживается «классическая» типология людей свободных профессий в зависимости от конкретной социальной страты. Однако наиболее ценное для нас замечание касается политической активности интеллигенции и расширения читательской аудитории в начале XX в. благодаря периодической печати [Лейкина-Свирская, 1981, с. 124, 218–219].

В. В. Розанов хотя к тому времени и проживал в Петербурге, но вышел из великорусской

провинции и получил образование в Московском университете. Оказало ли это влияние на его качества как читателя? Было бы банально указывать на высокий уровень культуры русской интеллигенции, если мы говорим о признанных авторах, но исторический контекст таков, что человек из непривилегированной семьи смог подняться до столичных издательств и стать частью богемы. Классическое образование в сочетании с особым провинциальным взглядом на социальные вопросы литературы придавало розановскому прочтению неповторимый колорит. Следует указать основные сюжеты, которые волновали В. В. Розанова: положение русских в России, состояние христианства, взаимоотношения мужчин и женщин.

Как и для всего образованного класса империи, для публициста было характерно включать чтение в структуру повседневности. Постоянный контакт с текстами Другого обеспечил разнообразие символов, наполнивших его произведения. Чтение можно классифицировать следующим образом: 1) легкое, выполнявшее досуговую функцию, когда работа в кабинете и семейные мероприятия уступали место уединенному отдыху; 2) творческое, позволявшее глубже познакомиться с волновавшими В. В. Розанова сюжетами мировой литературы; 3) политическое, представленное прежде всего газетными статьями и произведениями литературных критиков.

Нам сложно отнести В. В. Розанова к отвлеченным мыслителям – тем представителям русской культуры, которые были всецело погружены в область искусства и не обращались к публичным дискуссиям вокруг переустройства государственного аппарата империи. Газеты в атмосфере между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной стали новыми баррикадами противостояния уже не кружков, а целых партий. Специфика его чтения заключалась в смешении образов из классических произведений и современной действительности. По этой причине литературоцентричный мир В. В. Розанова был укоренен в фабулах А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. Невозможно было игнорировать обыденные социальные практики вне символически значимых сцен из «Ревизора» или «Горя от ума».

Здесь мы подходим к первому замечанию. Воспринимать реакции публициста необходимо через призму текстуального измерения XIX в. Это утверждение может показаться очевидным, однако взгляд на начало XX столетия не следует проецировать сквозь поздние наслоения советских и постсоветских современных объяснительных моделей. Именно «век надежд» определил формирование системы мировоззренческих координат мыслителя. В. В. Розанов часто обращался в своих

заметках к воспоминаниям о юности 1870-х гг., но крепостническая Россия оставалась для него далеким прошлым: он родился уже в царствование Александра II на исходе Крымской войны. В результате образы классики не могли в полной мере раскрыть позицию автора по современным для него вопросам.

Удивительным образом взгляд человека пореформенной России если не переворачивал изначальные послы классиков, то существенно смещал акценты в сюжетных линиях значимых для публициста произведений.

Читательский опыт Розанова

Диалог В. В. Розанова с Н. В. Гоголем подробно исследован розановедами [Смирнов, 2023, с. 611]. Подчеркнем лишь, что это проблема даже не литературоведения или интеллектуальной истории, а скорее антропологии – соотношения концептов пола, иронии и витальности. Публицист помещал героев Гоголя в смысловой треугольник с целью подвергнуть критике жизненный мир писателя и его отношение к русской обыденности. Гоголевское высмеивание пороков превращается у В. В. Розанова в насмешку над Россией, приобретая негативную коннотацию: «Гоголь дал право каждому русскому хохотать над Россией»³.

Нечто схожее мы наблюдаем в оценке публициста «Горя от ума». Скалозуб и Фамусов становятся воплощением порядка, стоят на страже государственности. Возникает довольно грубая бинарная оппозиция «за Россию – против России»: «– Замолчи, мразь, – мог бы сказать Чацкому полковник Скалозуб. Да и не одному Чацкому, а САМОМУ. Ты придрался, что я не умею говорить, что я не имею вида <...> Но ведь и тебя, если поставить на мое место – то ты тоже не сумеешь выучить солдат стрелять, офицеров – командовать, и не сумеешь в критическую минуту воскликнуть: “Ребята, за мной”, и повести полк на штурм и умереть впереди полка»⁴.

Здесь мы подходим ко второму замечанию. Позиции читателя и автора у В. В. Розанова пересекаются и направлены на критику социальных отношений поздней империи в свете литературы. Таким образом, художественные произведения вытесняют зримую, реальную страну, отчего привычные для нас причинно-следственные связи утрачивают значение. Интеллигентский мир В. В. Розанова социально ограничен. К тому же находиться в своем уединенном поле творчества ему было гораздо комфортнее, чем становиться частью строго доказательной полемики по различным

вопросам реформирования. В результате можно было не опасаться встречной критики.

Что же значило чтение для В. В. Розанова? Ярче всего это выражено в более ранней реакции на Пушкина, относящейся к довоенному периоду 1911 г. Мы не обнаруживаем строгой фокусировки на социальных акцентах. В. В. Розанов всецело позволяет себе погрузиться в стиль и подчеркнуть значимость пушкинского наследия для словесности: «...не всякий “читающий Пушкина” имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто вслушивается в голос говорящего Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого. Кто “живого Пушкина не слушает” в перелистываемых страницах, тот как бы все равно и не читает его, а читает кого-то взамен его, уравнительного с ним, “такого же образования и таланта, как он, и писавшего на те же темы”, – но не самого его. Отсюда так чужды и глухи “академические” издания Пушкина, заваленные горою “примечаний”, а у Венгерева – еще аляповатых картин и всякого ученого базара. На Пушкина точно высыпали сор из ящика: и он весь пыльный, сорный, загроможденный. Исчезла – в самом виде и внешней форме издания – главная черта его образа и души: изумительная краткость во всем и простота. И конечно, лучшие издания и даже единственные, которые можно держать в руке без отвращения, – старые издания его, на толстоватой бумаге, каждое стихотворение с новой страницы (изд. Жуковского). Или – отдельные при жизни напечатанные стихотворения. Или – его стихи и драматические отрывки в “Северн. Цветах”. У меня есть “Борис Годунов” 1831 года и 2 книжки “Северн. Цвет.” с Пушкиным; и – издание Жуковского»⁵.

Если перейти к истолкованию литературоцентричного мира В. В. Розанова, то ключевое положение в нем принадлежит историческому времени. Можно предположить, что переломный характер первой четверти XX в. мотивировал публициста выйти из вневременного изучения сюжетов и фабул, но не будем забывать о «замещении» самой жизни литературой и ее наиболее яркими персонажами.

Сопоставляя первые два замечания, мы подходим к общему заключению о возрастании роли авторства. Гоголь создал «смешную» Россию, но В. В. Розанову безразличны мотивы классика. Важен результат, выразившийся в отстранении от практического делания и исправления недостатков социума и страны. В атмосфере конкуренции между освободительной и проправительственной прессой тексты XIX в. превращались в часть подобной полемики. Согласно логике Розанова, литературное наступление на невинную русскую жизнь начиналось с Фонвизина, которого мыслитель

³ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... Москва, 1997. С. 456.

⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. Москва, 1994. С. 205.

⁵ Розанов В. В. Избранное. Мюнхен, 1970. С. 108.

демонстративно прописывал как «Фон Визин». По мере утверждения реализма, прихода нигилистов и установления откровенного революционного настроя в литературе вопрос об ответственности за настраивание против политического порядка самодержавия возлагался на писателей.

«Что *“Россия отвратительна и на нее можно только плюнуть”* – это доказывали такие гении, как Грибоедов, Гоголь, Щедрин <...> Да, Серафим Саровский не сравнится не только с *“Горя от ума”*, а и с К. Арсеньевым или *“Энциклопед. словарем”* Брокгауза и Ефрона. Т. е. я говорю о просвещенных. За Серафимом Саровским следует только тьма; но весь *“свет”* – идет за Брокгаузом и Ефроном»⁶.

Как оценивать такой подход к развитию литературы? Большая часть текстов носит публицистический характер, отчего достаточно вольное обращение с культурным наследием становится понятным в контексте не совсем академической дискуссии автора с читателями. Художественное произведение ценно для В. В. Розанова в качестве культурного воплощения эпохи. Не было героев, которые жили с ним в одно время, но параллельно с «высмеивающей» литературой существовал альтернативный круг авторов. Сам В. В. Розанов, создав довольно эклектичный ряд своих предшественников, через преемство со славянофилами и почвенниками выражал скептическое отношение к ценностям свободы, гражданского равенства и правового государства.

«– Белинский, ты хорош?

Молчит.

– Белинский, а Россия хороша?

– Окаянная.

Это противопоставление себя лично, своей личности – целой России, всем ее законам, всему ее порядку, всему быту, с мыслью необыкновенного превосходства СЕБЯ над РОССИЕЙ есть та мысль, без которой не начинался вообще ни один журнал этой славной “традиции” и не начинал своей литературной деятельности ни один из “столпов”»⁷.

Положение В. В. Розанова в русской интеллектуальной среде представляется дискуссионным. Между статусом публициста и мыслителя есть очевидная разница. В профессиональном аспекте В. В. Розанов относился к публицистам, однако было бы неправильно ограничиться только причислением его к группе колумнистов «Нового времени» и более правых издательств. Благодаря оригинальной репрезентации В. В. Розановым течений русской мысли и включению им литературы и критики в собственную хронологию исторического пути России, есть достаточные основания для идентификации автора как мыслителя. Именно

по причине историзации текстов, сращивания В. В. Розановым русской литературы с самой судьбой России, общественная полемика современников представлялась ему вершиной глубинного культурного угасания русских.

За пределами ценностного осмысления классики обыденное чтение В. В. Розанова заключалось в знакомстве с биографиями и популярной литературой. Чтение как отдых характерно для летнего периода, когда после чая с земляникой можно было уединиться на диване с томом о Шерлоке Холмсе: «Самые лица и Пинкертона, и Холмса мне ужасно нравятся. Это не ту, что “наши писатели”, в галстук и с бородой. У Пинкертона глазок так и заглядывает вам за ворот рубашки. Недоверчиво, умно и спасительно. Холмс с трубочкой – это шик. Я прямо любил его за этот вид, почти как Гарри. “Холмс не выдаст меня” и “справится со всяким”. Как жаль, что они иностранцы. Не ко времени»⁸.

Показательно, что В. В. Розанов не упоминает Конан Дойла – главный герой детективов самодостаточен, а реальность викторианской Англии устойчива. Публицист совмещал чтение с перепиской или прогулками, что превращало знакомство с популярными текстами в часть повседневных практик. В то же время чтение публичных текстов и постоянные отсылки к значимым произведениям прошлого столетия автоматически выводили мышление из размеренного состояния.

Сконструированная преемственность превращала В. В. Розанова в хранителя подлинной русскости, апологета витальности и самобытности империи. Применительно ко второй половине XIX в. фигура Достоевского становится для него ключевой. Публицист ценит в наследии писателя не стиль и сюжетные линии, а проповедование, публицистику, представленную в «Дневнике писателя».

Авторский опыт В. В. Розанова

Играя одновременно роль автора и читателя, В. В. Розанов воспроизводил в «листве» правила, заданные им самим. Это выразилось прежде всего в уединенном высказывании, которое устраняется от ситуативной общественной полемики и выполняет функцию самовыражения. Принципы такого приватного авторства были сформулированы В. В. Розановым еще в «Опавших листьях»: «Моя почти таинственная действительная уединенность смогла это. Страхов мне говорил: “Представляйте всегда читателя, и пишите, чтобы ему было совершенно ясно”. Но сколько я ни усиливался представлять читателя, никогда не мог его вообразить. Ни одно читательское лицо мне не воображалось, ни один оценивающий ум не вырисовывался.

⁶ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... С. 561.

⁷ Там же. С. 558.

⁸ Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. С. 199.

И я всегда писал один, в сущности – для себя. Даже когда плутовски писал, то точно кидал в пропасть “и там поднимется хохот”, где-то далеко под землей, а вокруг все-таки никого нет. “Передовые” я любил писать в приемной нашей газеты: посетители, переговоры с ними членов редакции, ходня, шум – и я “По поводу последней речи в Г. Думе”. Иногда – в общей зале. И раз сказал сотрудникам: “Господа, тише, я пишу черносотенную статью” (шапки, говор, смех). Смех еще усилился. И было так же глухо, как до»⁹.

Жизненный мир В. В. Розанова разворачивается перед читателем прежде всего в «листве», ведь заигрывание с публикой в новых обстоятельствах вынуждало писать так, чтобы остаться на плаву российской журналистики. Так было в августе 1914 г., в дни патриотической кампании в печати, и в марте 1917 г., когда победа Революции превратила публициста в апологета русской свободы¹⁰. В 1905–1907 гг. В. В. Розанов писал провокационно, неожиданно проявляя свой оппозиционный настрой. Это обстоятельство располагало подписчиков «Нового времени» на сторону непредсказуемого, оригинального и яркого автора¹¹.

«Листва» выносит на поверхность пережитое и сокровенное содержание приватной жизни. В результате перед нами вырастает «живой» автор, у которого граница между художественным осмыслением нравов и чаепитием условна. Мы могли бы усомниться в столь непривычном преподнесении автором собственных переживаний, если бы современники не сохранили впечатления (пусть и в мемуарах) о В. В. Розанове [Гиппиус, 1995, с. 144, 147]. Позволительно предположить, что они репрезентировали его в свете написанных им текстов.

Авторство Розанова в трех тезисах

1. Тезис о самостоятельности.

В. В. Розанов с помощью дробного изложения и частого использования сравнений и метафор выражал позицию, которая одновременно была похожа и на освободительный призыв, и на реакционный выпад в адрес неоднородной общности оппозиционных движений. В годы Первой мировой войны однозначность его оценок происходящего стала явной после размежевания зимой 1914 г. с либеральной интеллигенцией, прежде всего с Д. С. Мережковским, что опять же связано с делом Бейлиса.

⁹ Розанов В. В. Избранное. С. 150.

¹⁰ Розанов В. В. Собрание сочинений. Последние листья. Москва, 2000. С. 256; Розанов В. В. Собрание сочинений. В чаду войны: ст. и очерки 1916–1918 гг. Москва; Санкт-Петербург, 2008. С. 499.

¹¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... С. 41.

Литература стала смыслообразующей матрицей, в которой В. В. Розанов черпал образы из сюжетов классики XIX в. и находил сравнения радикальных критиков времен Великих реформ с современной оппозицией: «Да, вот где зло и Рок русских и России, где прозвучало что-то похоронное над “всею русским”, что гениальный по силам период русской литературы и был употреблен просто на пакошь. Страшно подумать... Не тут ли зерно, что Достоевский забился в истерике. Он, так любивший Россию, он первый увидел “черного ворона” над Россией, все что-то вещающего молчаливо. Ведь он был современник Стасюлевича и Щедрина»¹².

Политизация текстов усиливалась в контексте агрессивного дискурса войны, что отмечается отечественными и зарубежными историками [Аксенов, 2022, с. 78, 357; Лор, 2012, с. 36, 38]. Но разве общественная проблематика, неразрывно связанная с вопросами преобразования и власти, не характерна для интеллектуалов и писателей XIX в.? После раскрепощения печати в октябре 1905 г. и динамичных изменений политика стала частью повседневности для интеллигенции и общества в целом. В таком случае В. В. Розанов предстает в качестве автора, воспользовавшегося формальной возможностью писать без заискивания перед цензором и впитавшего веяния нового века, для которого монологизм изложения, строгое соответствие общественным нормам не было характерно в атмосфере религиозных поисков интеллигенции.

В. В. Розанов стал одним из эмансипированных от государства и социума авторов, превративших литературу и публичный текст в целом в средство самовыражения. Было бы несправедливо игнорировать замечания самого публициста о влиянии на читателей, в особенности на читательниц.

2. Тезис о подвижности.

«Листва» может показаться наполненной взаимоисключающими положениями. Между, с одной стороны, идеализацией собирательного образа народа и фигуры царя и, с другой стороны, чаадаевским разочарованием в казенном православии пролегает пропасть при первоначальном прочтении¹³. Польский историк русской философии А. Валицкий предложил разделять внешнюю сторону дискурса и аксиологическое ядро мировоззрения [Валицкий, 2019, с. 40; Ширинянц, 2011, с. 214]. При таком подходе между высказываниями публициста мы действительно увидим если не прямую логическую связь, то смысловое единство.

Для изложения В. В. Розанова характерна не только дробность, но и зигзагообразная подвижность, обусловленная надеждой на выживание России и сохранение ее народной самобытности.

¹² Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. С. 81.

¹³ Розанов В. В. Последние листья. Санкт-Петербург, 2002. С. 173.

Сталкиваясь с неприятными новостями с фронта, размышляя о политическом и информационном потенциале немецких и еврейских сообществ, партийных деятелей и предпринимателей, Розанов с негодованием обрушивался и на тех, кто представлял угрозу его русской России, и на бесперспективное будущее страны: «*Всеми презираемый Розанов...*» – пишет Кугель (еврей, «День»). Почему «всеми», если борюсь с евреями. Почему за вас, евреев, должны «все презирать» человека, если он с вами борется? <...> Почему же я, русский, не могу выразить того состояния неуважения души своей к убийцам своего Государя, давшего свободу крестьянам, обновившего реформами Россию, потрудившегося для России, – какое состояние презрения души своей вы выражаете ко всем, кто не склонил колен перед вашим проклятым Бейлисом, который все-таки тянул за ручонку мальчика за 15 минут перед тем, как его нашли зарезанным»¹⁴.

Меланхолические сравнения русских с овцой и Андреем Ющинским приближали смерть России, а вместе с ней обесценивали литературу. Культурные корни увядания народа Розанов обнаруживал в распространении среди писателей жестокой критики родных жизненных укладов и нравов, в подражании чужому и в подчинении еврейству в сфере издательского дела.

Если отвлечься от пессимистических ожиданий, переплетавшихся с надеждами на чудесное избавление России от «жидокадетов», то розановские зигзаги не исключают сохранения основного направления мысли – эстетизации русской жизни в ее домодерном состоянии патриархального быта, религиозности и семейственности при лояльном отношении к власти православного царя: «Русские любят “порядок”, как атрибут тишины, ее корень и следствие, и, собственно, по этой причине они так консервативны и устойчивы, не любят “новшеств”. “Власть и законы чтят” – ибо иначе нас разграбят и убьют. Чего, естественно, мы не хотим»; «Народ русский, в необозримом стане своем, есть, конечно, правительственный народ. Он сознает, что “построил Царство”, терпением и страданием, как мужик, солдат и поп. И разрушать свою работу он никогда не станет»; «Народ, население – оказалось государственным. Твердо государственным и стойко государственным. Сколько его ни развращали университеты и печать, с вечною злобою на полицию, оно уклончиво и насмешливо ответило: “Вы ученые и богаты, счастливы и бунтуете: а мы, трудовой люд, без Государства обойтись не можем”»¹⁵.

¹⁴ Розанов В. В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... С. 247.

¹⁵ Розанов В. В. Собрание сочинений. Мимолетное. С. 144, 153, 243.

Эта линия прослеживается даже во времена «искушения либерализмом» в 1905–1907 гг. Дискурсивная оболочка адаптировалась автором, но ценностная позиция и цель обоснования красоты самобытности органично вырастали из текстуального наследия консервативных романтиков XIX в. В каком-то смысле В. В. Розанов завершает собой великую интеллектуальную традицию мыслителей, которые воспевали культурное своеобразие России и осуждали европеизацию.

3. Тезис о всеобщности.

Публицист синтезировал в своем наследии историю, литературу, публичные дискуссии о власти, религиозную проблематику авраамических культов. Всеобщность его авторства обусловлена вариативностью самовыражения В. В. Розанова.

Вольное толкование библейских сюжетов и оценка практик русского православия через призму свободолобивого ума сделали автора центром его воображаемого мира. Сотворенная им система координат упорядочивала хаотически разбросанные в ассоциативном ряду атрибуты жизненного мира (сословия, земляника, царь, дочери, собрания сочинений и воспоминания о Н. Н. Страхове). Упорядочивание происходило это так, как требовал настоящий момент и чувствительное восприятие В. В. Розанова. Из описания повседневности рождалась критика церковных иерархов и их ограничений свободы семейно-брачных отношений, экономическая уязвимость русских перед предприимчивостью немцев Петрограда.

Смысловое единство не мешало kaleidosкопическому сочетанию прошлого и современности, так как все атрибуты жизненного мира связывались литературой, ее бессмертными героями, историями из жизни писателей и критиков. Существование вне непрерывного творческого процесса означало для публициста полуживое состояние обывателя, мечтавшего только о «рисовых котлетках и твороге со сметаной»¹⁶. Без материальной обустроенности петербургского интеллигента и без постоянного контакта с текстом из-за недоедания и вынужденного физического труда Розанов и сам превратился в обывателя. С осени 1917 г. его творчество обрело мрачные очертания мортальной тематики. Умер приятный мир столицы под влиянием военной угрозы со стороны немцев, неожиданно взявших Ригу, разорительной инфляции и небезопасного нахождения семьи Розановых в эпицентре Революции [Розанова, 1999, с. 77, 78].

Таким образом, авторство стало способом словесного запечатления богатого культурного наследия России через индивидуальный опыт В. В. Розанова. Его оригинальность и новизна заключается в насыщенной и сжатой демонстрации

¹⁶ Розанов В. В. Избранное. С. 555.

современникам смыслового содержания русской действительности в непривычном апокалиптическом контексте Революции, распада империи и мировой войны.

Заключение

Как отмечал И. В. Нарский, чей историографический опыт весьма значим для нас, историка характерно «влюбляться» в своих героев [Нарский, 2012]. Вероятно, исследователи социальных структур и макроистории в меньшей степени предрасположены к проникновенному отношению к изучаемым индивидам, чем историки-биографы или ценители повседневности. Однако благодаря современной разноплановой методологии даже на локальном уровне рассмотрения интерпретация позволяет рационализировать поведение человека прошлого, включив его в социокультурный контекст эпохи. Это стало существенным достижением истории в сравнении с хвалебным и проникновенным описанием «деяний», что было характерно для увлекательной и явно политически ангажированной историографии XIX в.

Представленный нами опыт одного петербургского интеллигента ценен не только для литературоведения и истории чтения, но и для социально-политической динамики. Перед нами открылась возможность увидеть жизненный мир модерного русского человека. Розановская модель восприятия была укоренена в сословном статическом мире продолжительного XIX столетия, однако реальность, запечатленная в классических памятниках литературы, не объясняла происходивших перемен.

Быстрый и подвижный новый век оставался зажат в тисках образов и героев минувшего столетия.

Если мы совместим центральное место прозаической литературы в творчестве В. В. Розанова с его попытками объяснить происходящее, то взаимовлияние чтения и писательства станет продолжением непрерывной рефлексии публициста. Оно выражалось в движении мысли В. В. Розанова от трансформировавшейся реальности к аналитическому языку литературы и обратно. Этот язык упорядочивал реальность, хотя процесс осложнялся ограниченностью образов, вышедших из утонченного и изолированного мира дворянской прозы. Дробный стиль публициста и изобретенный формат частного признания перед читателем позволили вывести известные образы героев из привычного дискурсивного измерения классики и включить их в новый публичный язык. В результате, несмотря на переходное положение общества между традицией и модерном, между понятным и новым, между статикой и динамикой, В. В. Розанов сумел объяснить самому себе изменчивую обстановку 1905–1918 гг.

*Автор прочитал и одобрил
окончательный вариант рукописи.*

The author has read and approved the final manuscript.

Конфликт интересов. Автор заявляет
об отсутствии конфликтов интересов,
требующих раскрытия в этой статье.

Conflict of interest. The author declares no conflict
of interest related to this article.

Список источников / References

Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции: массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. 2-е изд. Москва : Новое лит. обозрение, 2022. 992 с. [Aksenov VB (2022) Rumors, images, emotions: mass sentiments of Russians during the War and Revolution, 1914–1918. 2nd ed. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].

Атнашев Т., Велижев М. Три дилеммы интеллектуальной истории: the state of the craft // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 11–21 [Atnashev T and Velizhev M (2021) Three dilemmas of intellectual history: the state of the craft. *Novoe literaturnoe obozrenie* 5: 11–21. (In Russ.)].

Валицкий А. В кругу консервативной утопии: структура и метаморфозы русского славянофильства. Москва : Новое лит. обозрение, 2019. 704 с. [Valitsky A (2019) In the circle of conservative utopia: the structure and metamorphoses of Russian Slavophilism. Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. Москва : Прогресс, 1988. 704 с. [Gadamer HG (1988) Truth and method: fundamentals of philosophical hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.)].

Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове // В. В. Розанов: pro et contra. Санкт-Петербург, 1995. Кн. 1. С. 143–185 [Gippius ZN (1995) Pensive wanderer. About Rozanov. V. V. Rozanov: pro et contra. Saint Petersburg, bk. 1, pp. 143–185. (In Russ.)].

Грякалов А. А. Василий Розанов. Санкт-Петербург : Наука, 2017. 287 с. [Gryakalov AA (2017) Vasily Rozanov. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)].

Казакова Н. Ю. «Розанов не был двуличен, он был двулик...»: Василий Розанов – публицист и полемист. Москва : РГГУ, 2021. 238 с. [Kazakova NYu (2021) “Rozanov was not the double dealer, he was double-faced ...”: Vasily Rozanov – publicist and polemicist. Moscow: RGGU. (In Russ.)].

Кукушанова Н. В. Исторические традиции России в газетной публицистике В. В. Розанова в начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 6. С. 18–24 [Kuksanova NV (2013) Historical traditions of Russia in V. V. Rozanov's newspaper journalism at the beginning of the 20th century. *Vestnik Novosibirskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya 12 (6): 18–24. (In Russ.)).

Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. Москва : Мысль, 1981. 285 с. [Leikina-Svirskaya VR (1981) The Russian intelligentsia in 1900–1917. Moscow: Mysl'. (In Russ.)].

Ломоносов А. В. В. В. Розанов среди партий и политиков // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 165–170 [Lomonosov AV (2019) V. V. Rozanov among parties and politicians. *Tetradi po konservatizmu* 4: 165–170. (In Russ.)].

Нарский И. В. Антропологизация авторства: приглашение к «лирической историографии» // Новое литературное обозрение. 2012. № 3. С. 56–70 [Narsky IV (2012) Anthropologization of authorship: an invitation to «lyrical historiography». *Novoe literaturnoe obozrenie* 3: 56–70. (In Russ.)].

Носов С. Н. В. В. Розанов. Эстетика свободы. Санкт-Петербург : Logos ; Дюссельдорф : Голубой всадник, 1993. 208 с. [Nosov SN (1993) V. V. Rozanov. Aesthetics of freedom. Saint Petersburg: Logos; Dusseldorf: Goluboi vsadnik. (In Russ.)].

Розанова Т. В. «Будьте светлы духом» (воспоминания о В. В. Розанове). Москва : Blue Apple, 1999. 183 с. [Rozanova TV (1999) “Be bright in spirit” (memories of V. V. Rozanov). Moscow: Blue Apple. (In Russ.)].

Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика

интеллектуальной истории. Москва, 2018. С. 53–122 [Skinner K (2018) Meaning and understanding in the history of ideas. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow, pp. 53–122. (In Russ.)].

Скиннер К. Свобода до либерализма. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. 120 с. [Skinner K (2006) Freedom before liberalism. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v SPb. (In Russ.)].

Смирнов А. Е. Розанов против Гоголя: превратности письма // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 3. С. 610–621 [Smirnov AE (2023) Rozanov versus Gogol: the vicissitudes of writing. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* 33 (3): 610–621. (In Russ.)].

Фатеев В. А. В. В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Ленинград : Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1991. 368 с. [Fateev VA (1991) V. V. Rozanov. Life. Creation. Personality. Leningrad: Khudozh. lit., Leningr. otd-nie. (In Russ.)].

Ширинянц А. А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2011. 568 с. [Shirinyants AA (2011) Nihilism or conservatism? The Russian intelligentsia in the history of politics and thought. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.)].